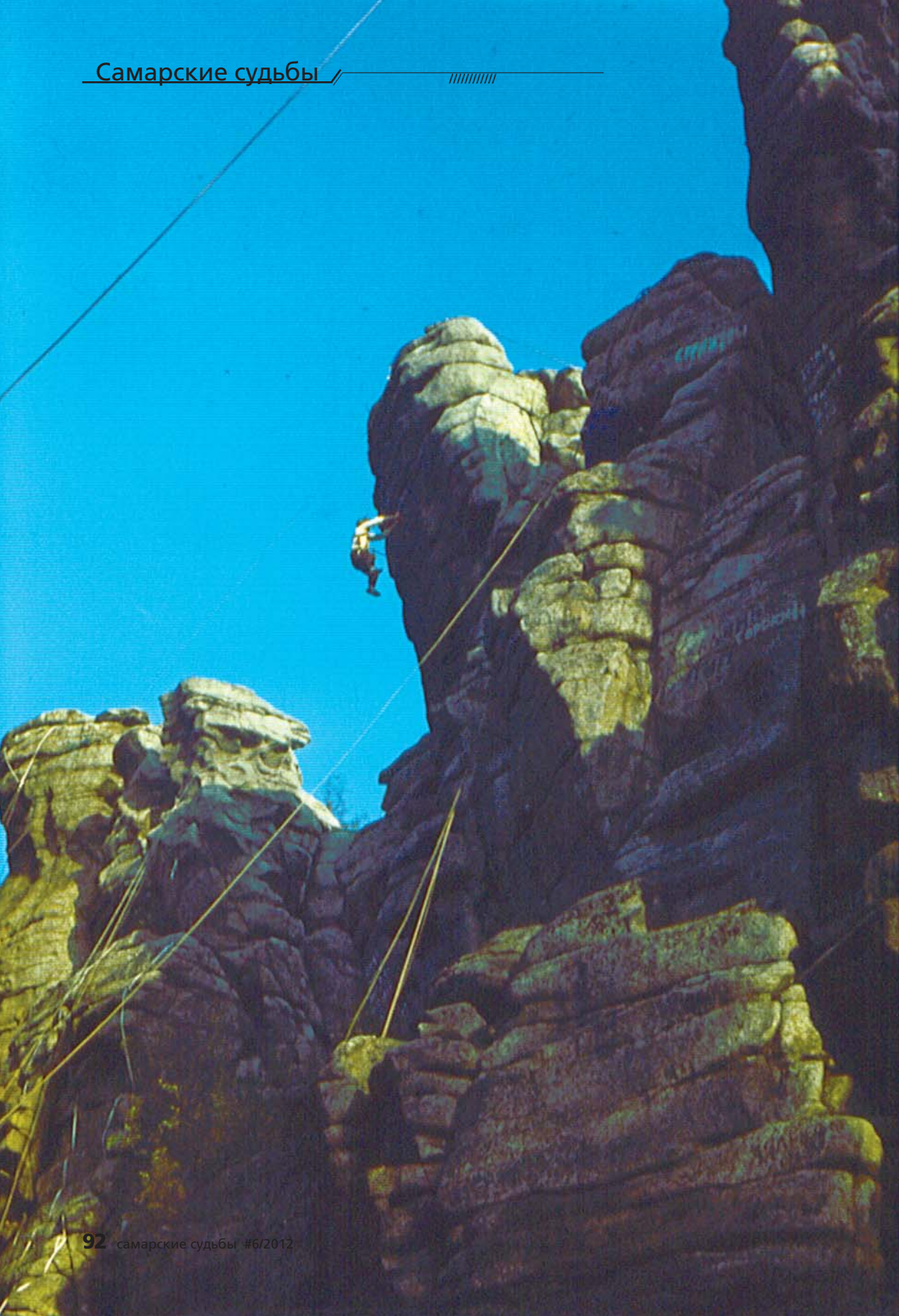

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ МИР

Яркие события остаются в памяти. Не требуется много усилий, чтобы шагнуть на четверть века назад, в далекий 1987 год. Чемпионат России, в котором команда альпинистов куйбышевского «Буревестника» стала первой. Чемпионы! Из участников того восхождения сегодня живы только двое.

Были другая страна и другое время. Эпоха застоя. Золотое время советского альпинизма. В горах ученые, музыканты, скульпторы и просто интересные люди...

Путевка в альплагерь – сорок рублей. Нерезально отказаться. Всепроникающая романтика! Гора Верблюд была настоящим домом для влюбленных в горы. С ранней весны до глубокой осени светили на стоянках костры, звучали песни, дымился в ведрах крепкий чай, не смолкали десятки голосов. На стоянке «Буревестника» размещалось по 30-40 человек. В каждом вузе была секция альпинизма. По четвергам мы собирались на студенческом стадионе, где обсуждали всякие вопросы, составляли раскладку для отбывающих в ближайшую пятницу на Верблюд.

Когда альпинисты дружно сбегали на берег к пристани «Гаврилова поляна», речной трамвай облегченно вздыхал и заметно поднимался из воды. Толпа добрых молодцев с огромными рюкзаками устремлялась по дороге вдоль берега. Особым шиком считалось тащить «абалаковский» брезентовый рюкзак, зеленый как все военное, и крепкий как все советское. Начиналась настоящая гонка – кто быстрее домчится до стоянок Верблюда. Маленькие рюкзаки носить было не модно. Почти всегда отличались связисты – тренировались они как звери, мешки у них были ужасающих размеров. Правда, после сбрасывания с плеч на землю, их баулы иногда подозрительно подпрыгивали по нескольку раз. При тщательном исследовании внутри мог обнаружиться готовый к употреблению надувной матрас. Юмор у альпинистов ценился так же, как и железное здоровье.

По стенам горы Верблюд народ носился вверх-вниз на время – лазание было скоростным, но «ключи» были тоже что надо. Играли на скалах в догонялки, пока страховочные веревки не перепутывались так, что спуститься вниз было труднее, чем подняться.

Попасть в команду «Буревестника» для выступления на первенстве Поволжья было очень сложно – сильных скалолазов в нашем городе было достаточно. Одним из продвинутых покорителей скал был всеобщий любимец Саня Сметанин, спокойный, скромный, серьезный. Девчонки в нем души не чаяли. Они и вышили ему на майке ящерицу. Лазал Саня точно как ящерица – легко,

быстро и пластично. Вечером все собирались у костров, желающие играть на гитаре становились в очередь, но если появлялся Дима Кривко, то вопрос с исполнителем был решен до утра. Все кто мог – подпевал, остальные слушали. Откуда-то сверху раздавался мелодичный перезвон – спелеологи в темноте лазали по «Тридцатке» на самохватах по стальным тросам, с налобниками, как в пещере.

Самым азартным подпевалой был Костя Кривулин. Казалось, он знал все песни. Не важно, что со слухом поначалу было не очень. Ни одну песню он не портил. С каждым разом пел все лучше, пока к моему удивлению, не начали они с Димой петь на голоса. Будучи совсем молодым, Костик быстро прогрессировал и в скалолазании. Тренировался до изнеможения. Одно из его упражнений – траверс старой набережной по каменной стенке от Красноармейского спуска до Речного вокзала.

Вот, друзья мои, я почти и перечислил всю нашу команду, в которой мне было суждено ходить на очном Чемпионате России 1987 года. Замыкаем список мы, тезки, - я и Иванов. Не слышали про Владимира Иванова? Значит редко

ходили на Верблюд. Вован, иначе его и не звали, был фигурой колоритной. Мне он всегда напоминал ящик с динамитом. Находиться рядом было слегка опасно. Реакция у него была молниеносная, функциональная подготовка была как у спецназовца, а воле позавидовал бы герой романа Чернышевского «Что делать?». Как-то раз известный всем скалолазам Вадим Георгиевич, будучи еще студентом спортивного факультета куйбышевского пединститута, приметил Вована вечером на остановке транспорта и решил разыграть – подкрался сзади и неожиданно, как бы поздоровался. Закончилось все нокдауном.

Однажды осенью ко мне подошел Шура Сметанин и

так просто сказал, что я могу влиться в их команду. В тот сезон наши, пройдя серьезный маршрут на Бодхону в Фанских горах, завоевали золото на молодежном первенстве и получили право выступить в очном скальном классе чемпионата России. Я, имея закрытый I разряд и пару 5Б, был готов приложить любые усилия, чтобы соответствовать уровню команды кмс-ов. Регламент очного класса предполагал командную сдачу физнормативов, скальную школу, и прохождение маршрута на легендарной стене Замин-Карор (Ягноб). Команда, прошедшая маршрут с высоким рейтингом в соответствии с тактическим планом, могла стать победительницей.

К подготовке приступили тут же. Мне поручили обязанности начальника сбора. Я занимался получением денег в спорткомитете, написанием бумаг для получения лимитированных продуктов и медикаментов – время было советское, все в дефиците. Тушенка, сгущенка, копченая колбаса в магазинах просто так не появлялись. В разное время этими вопросами занимались все члены команды, так что мне было с кем посоветоваться. К тому же, большую подготовительную работу провел Юрий Овсянников, мастер спорта по аль-

пинизму, тренер команды, в протестонародье «Шкаф».

Тщательно готовили снаряжение - железо. Здесь главным был Дима Кривко. Золотые руки, светлая голова! О его волшебном фанерном чемоданчике скромного мышиного цвета ходили легенды. Дима работал на заводе и использовал всю мощь советской оборонки для создания уникальных образцов снаряжения. Скальные крючья с поворотными проушинами, «жумары» с блоками в ручке для облегчения траверсов, закладки с изменяемым размером, нечто вроде фрэндов, только легче и проще, комбайн, объединяющий скальный молоток, ледоруб, ледовый инструмент, айс-фи и выдергу. Короче, когда кто-то чужой

попытался взять в руки этот комплекс, комбайн уколол негодяя, несколько раз сложился-разложился, потом спрятался в волшебный чемодан, закрылся изнутри и подал сигнал тревоги. Я сам не видел – мужики рассказывали.

Зима пролетела быстро. Запомнились тренировки в 20-градусный мороз на скалах Грэве. Отрабатывали прохождение крутых и нависающих участков перил с рюкзаками, в боевых условиях. Шутили – на Ягнобе будет градусов на 50 теплее. Стена Замин Карора по описанию безводная, сухая и солнышко разогревает ее до 30 градусов. Мне попутно приходилось работать над физнормативами. Никогда не подтягивался больше 11 раз, а в требовани-

ях было 15. К весне состав команды определился. Все вышеперечисленные пятеро участников, тренер Юрий Овсяников, завхоз Людмила Волкова, спасатель Андрей Сироткин. Андрей первоначально должен был идти в команде, но что-то не срослось с документами, время ушло и заявку пришлось отсылать без него. Все сокрушались по этому поводу – Андрей был парень что надо, надежный, хороший скалолаз, отлично подготовленный физически и совершенно неконфликтный.

Подоспела весна. Не успели отцвести сады, а мы уже паковали груз и готовились к отлету в Азию. Сезон планировали начать в знакомом всем альплагере Артуц, где предстояло отработать программу школы, а мне еще и выполнить норматив кандидата в мастера, сходяв две 5Б, чтобы быть допущенным до участия в чемпионате. Сезон обещал быть предельно насыщенным.

Добирались мы весело. От Ташкента до Самарканда летели на почтовом АН-24 по пояс в письмах, которые просачивались в салон из разорванных мешков. В лагерь поднимались первыми вместе с начучем Михаилом Голубевым. Эх, азиатские пыльные тропы! Весна в горах - склоны все багровые от цветущих маков. На следующий день

пошли открываться 2А Хаджароват. Компания веселая, взяли гитару – на вершине пели песни. Пара дней скал и на 5А Диамар, непривычно заснеженный. Маршрут вместо скального – комбинированный. Здесь всех поразил наш играющий тренер, совершивший десятиметровый траверс через крутой ледовый кулуар в галошах с двумя скальными молотками. Что сказать – мастерство не ржавеет!..

Время летело. Лагерь постепенно наполнялся участниками, мы по пять часов в день гоняли школу на скалах. Реальное лазание в связках по рельефу 5-6 категории со сменой ведущего и последующим спуском, на время. Через несколько дней привыкаешь к такой работе, кажется, что все просто, а возможность срыва уходит на второй план. Вот тут горы и напомнили нам, что шутки здесь не уместны. В тот день мы лазали на Чокураке в связке с Костей по уже знакомому маршруту, я вышел вперед со станции на середине стены, метрах в 25 над осыпью, пролез по заглаженным скалам метров 10 и сорвался. Помню полет и ясное ощущение – все. Как в замедленном кино пролетаю над Костей. Слышу: «Ты чего, ты чего?!». Потом рывок, станция выдержала. Димкина закладка сработала. Пряжка грудной обвязки впилась под лопатку и разрезала одежду, Косте веревкой пожгло шею. Вниз спустился, как побитый пес. Друзья сделали вид, что все нормально – рабочий момент. Несколько дней внутри все будто дрожало от напряжения, а при взгляде на скалы Чокурака становилось не по себе. Перед глазами всплывал узбек Лютфи – завхоз с базы, показывающий грязным пальцем на большой рюкзак на вещевом складе – ленинградец разбился год назад на скальных занятиях.

Особо переживать некогда – до чемпионата не больше двух недель. Всей командой мы двинули на Куликолонские озера, сказочно красивое место. Выходим на 5Б Рудаки. Был такой таджикский поэт – «подобен этот мир бегущему ручью, о прошлом позабудь, грядущим утешайся, живи и радуйся живому бытию». Написано всего-то тысячу лет назад, потому и звучит так свежо.

Максимально облегчаемся, не берем ничего из бивачного и практически ничего из провизии. Мчимся по горе как сумасшедшие, ближе к вечеру догоняем наших, куйбышевскую группу, вышедшую днем раньше. Ночь проходит в наблю-

дениях за звездным небом и раздумьях о пользе палатки и теплых вещей. Весь следующий день боролись с собой – двигали ноги коллективными усилиями воли.

Благословенна солнечная Азия! Через час, на травке попив чайку и проглотив по миске чего-то горячего, мы снова смотрим на покрытые снегом вершины Куликолонской стены и морально готовимся к выходу на Марию по Шабанову. Впрочем, идем только я и Андрей Сироткин, остальным это не нужно. Компанию нам составляет связка западных хохлов и белорус, которому нужно руководство. Никакой схоженности. Хохлы постоянно сыпят цитатами из книги Поволяева «Тихий ветер памяти». Я потом специально нашел ее и прочитал. Альпинисты там ходят по горам с саперными лопатками, падают, разбиваются, встают и идут дальше. Интересное произведение.

Выходим вечером на обработку, утром – вперед. К вечеру мне достался недлинный, но довольно эмоциональный выход со скальной стенки на неприятный снежно ледовый склон. Под снегом по льду шла вода. Холодная! Я долго возился со станцией, снега по колено, выходы сильно разрушенных скал, за спиной стена и попутчики, нетерпеливо вопрошающие о готовности перил. Впереди плиты, засыпанные снегом, до вершины три часа хода, до ночевки все пять. Высота за четыре тысячи, к вечеру приморозило. Когда в палатке я

снял ботинки, то понял, что дело плохо. А минут через пять и почувствовал. Перефразируя известный афоризм про «Боржом», я бы сказал, что поздно пить трентал, когда ноги почернели. Но самый кайф пришел утром, когда настало время запихивать распухшие ноги в задубевшие за ночь ботинки. Спускались по 4Б, я ковылял позади, не успевая за своими попутчиками. Никто, конечно, и не думал связываться.

Когда я приполз на Куликолонские озера, то четко понял – останавливаться нельзя ни на минуту. Иначе сам уже никуда не дойду. Поэтому повалил, не останавливаясь, в лагерь, напрямик в медпункт. Веселый доктор сразу предложил срезать ногти и демонстративно пощелкал блестящими большими ножницами в опасной близости от моих распухших малиновых пальцев. В голове еще сидела идея моего участия в скальном чемпионате. Доктор поинтересовался, где я умудрился в такой зной отморозить свои ходули, а, узнав, что этой горой я закрыл КМС, прочитал мне лекцию о порочности честолюбия, мастерски вскрыл уже надувшиеся пузыри и пообещал дальнейшие продолжительные мучения. Оттягивая носки вверх, на пятках я потопал в палатку. На следующий день на собрании команды с меня взяли слово выздороветь. До отъезда на чемпионат осталось три дня. Недолгий отдых в сочетании со сборами продуктов, снаряжения – и в дорогу! Тряский кузов лагерного ГАЗ-66, утомленные лица, припудренные желтой азиатской пылью, ночной подъем по серпантину на заснеженный Анзобский перевал, стремительный спуск, и мы в альплагере «Варзоб». Вздремнув пару часов, узнаем, что нужно сдавать физнормативы. Собираемся с силами – чемпионат начинается. Довольно легко получаем максимальные баллы по всем видам. Завтра – командный забег на время в гору с набором высоты 300 метров. Отсечка результата по последнему участнику. Занимаем достойное третье место. Вечером знакомимся с трассой школы на скале в двадцати минутах ходьбы от лагеря. Каждая команда должна пройти 120-метровый скальный маршрут связками с обязательной сменой ведущего. В рюкзаках судейский груз, на маршруте средней сложности пара ключевых мест. В то время все лазали в галошах. На солнце резиновые, обтягивающие стопу галоши раскалялись чуть ли не до красна. Мои отмороженные пальцы протестовали после обувания секунд тридцать. Затем боль сменя-

лась легким жжением, и можно было лезть. А вот после того, как пальцы выходили из резинового плена на свободу, начинались настоящие мучения. Но делу это уже не мешало.

По жребию мы лезли третьими. Солнце палило нещадно, голова соображала плохо, но все прошло в лучшем виде. Точки делали строго через пять метров, одна закладка лежала на полке, просто прижатая камушком, другая была заплетена в траву. Было много условностей, хотя судьи с биноклями внимательно высматривали любые огрехи, но главным экзаменатором была высота, не прощающая ошибок, и мы это понимали. Я приходил последним на финишную станцию, в спешке веревки не чистили от промежуточных точек, на мне скопилось килограмм десять петель, закладок, крючьев и карабинов. Еле вылез. Дальше спуск по осыпной тропе в галошах до места, где лежал рюкзак с нашими ботинками и сидел судья, проверяющий снаряжение. Все было отлично. Не потребовался даже запасной стоппер, искусно спрятанный Саней Сметаниным в каске на случай потери снаряжения на маршруте. Тренировки не прошли даром, мы были в тройке лидеров после школы. Уже вечером судьи определили маршруты в соответствии с рейтингом команд по первым трем дням Чемпионата, все энергично готовились к переезду под стену Замин-Карор. Наш мудрый тренер своею легкой рукой вытянул счастливый билет, но в тот момент

никто еще не знал, что 5Б Лаврушина принесет нам удачу. Не самая сложная линия на Ягнобе, средняя крутизна по отчету 72 градуса.

Путь под гору был не близкий – опять через Анзобский перевал, затем по узкой горной дороге к селению Маргиб у подножия Замин-Карор. Всем командам предложено забрасываться вертолетом, но Вова Иванов наотрез отказался лететь. В прошлом году он падал в горах с вертолетом и, хотя все обошлось, любой летательный аппарат теперь ассоциировался у него с деревянным ящиком, в который ложиться не хотелось. Хорошо его понимая, мы решили ехать под стену на машине, которую без труда наняли недалеко от лагеря. Водитель – таджик в чалме и халате. Он постоянно загадочно улыбался и жевал насвай (слабый наркотик – смесь травы «нас», жевательного табака, извести, верблюжьего помета). Его трехосный ЗИЛ-157, по виду участвовавший в Отечественной войне, тоже произвел на нас впечатление. Ехать через Анзобский перевал днем было намного страшнее, чем ночью. Открытый кузов старенького ЗИЛа скрипел и раскачивался, грозя оторваться от ржавой рамы. Далеко внизу, в ущелье покоились разбитые грузовики. Скоро стало еще веселее. ЗИЛ перестал с первого раза вписываться в крутые повороты узкой горной дороги, сдавал назад, сбрасывая колесами камни в ущелье, пробуксовывая, впихивался в поворот. И так много раз. Над нами, стрекоча винтами, пролетал вертолет, доставлявший остальные команды, а мы были во власти водителя-таджика, который, наверное, будет также жевать и загадочно улыбаться, даже если рухнет вместе со своим ЗИЛом вниз.

Приехали! Недолгий подъем по крутому травянистому склону, и мы на плато под стеной Замин-Карор. Гигантская каменная ступень с перепадом высот более тысячи метров открылась нам во всем великолепии. Пока ставили лагерь и перекусывали, солнце ушло за горы. Мы толком и не разглядели маршрут, по которому завтра предстояло лезть. Нас это, впрочем, не пугало. Читая описание, мы усвоили, что идти надо от снежника в форме птицы вертикально вверх по пути наименьшего сопротивления. На «боковую» решили отправиться пораньше. Иванов лично проверил рюкзаки и удалил все лишнее, оставив снаряжение и предусмотренные раскладкой продукты. Осмотр сопровождался полушутливой потасовкой с Димой

Кривко, который хотел прихватить сверхнормативную палку копченой колбасы. Интеллект победил. Дима сумел запрятать от Иванова деликатес и извлек продукт из тайника только на Стене, за что все были ему благодарны.

Ранним утром был дан старт Чемпионату, шесть команд устремились на восхождение по своим маршрутам. Из лагеря шли все вместе, пока дружно не застряли у крутого снежника – кошек, ледорубов не было ни у кого. Несколько безуспешных попыток пройти жесткий утренний снег в кроссовках со скальными молотками окончились неудачей. Склон прошел наш Костя в вибране ВЦСПС с комбайном имени Кривко. Ледовые и снежные клювы, конечно, лежали в волшебном чемоданчике, но длинная титановая ручка со штычком определила успех дела. Скоро по нашей веревке под свои маршруты вышли все участники Чемпионата.

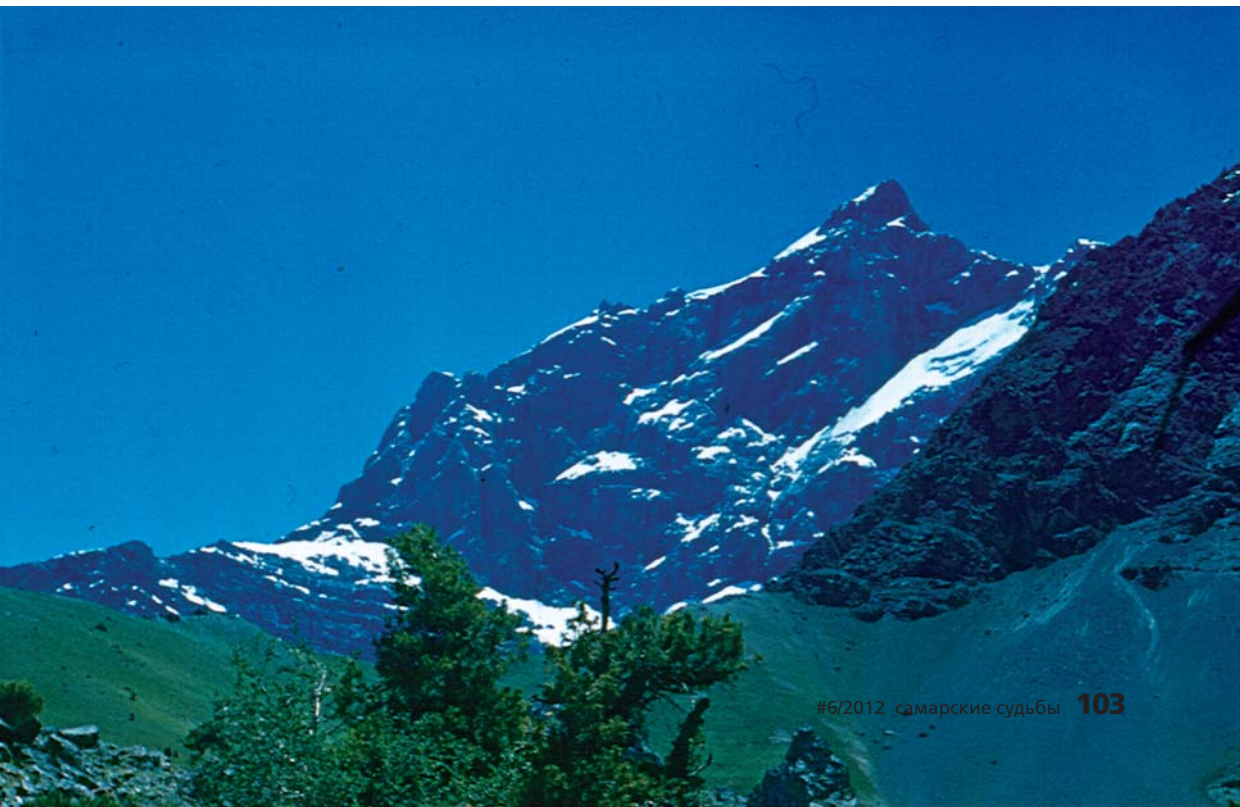
Вова Иванов сел прямо под стеной подумать перед долгой и трудной дорогой, развернув прихваченную специально для этого важного дела таджикскую газету. Через мгновение прилетевший сверху мелкий камешек, как пуля, пробил печатное издание. Мы сочли это добрым знаком – стена нас заметила и ждала. Саня Сметанин надел новый костюм, подвязал галоши ярким красным фитилем, как на праздник. Я собирался преодолеть стену в кедах, чтобы не травмировать психику своих дру-

зей, хорошо понимающих, что значит пару суток продержаться отмороженные ноги в галошах. Буквально в пятидесяти метрах правее от нас начали работать на своем маршруте красноярцы. Первые веревки мы шли с ними параллельно, но у них сложности начались раньше, и скоро мы остались наедине со Стеной.

Впереди работала связка Сметанин-Кривулин. Дима Кривко со своим велосипедом (так мы называли его хитроумную систему полностью регулируемых стремян с двумя самодельными супержумарами, которая позволяла ему, двигая ногами, как на велосипеде без особых усилий передвигаться по перилам) работал последним, а мы с Ивановым чистили

веревки и подносили снаряжение лидерам. Через пару часов работа полностью нас захватила, я иногда видел Кривко, иногда Иванова, остальное время контакт был в основном голосовой. Стена вставала сразу очень круто, вверх было видно только небо, под ногами – начало маршрута. Внизу, в лагере ходили судьи-лилипуты, следившие в бинокли за командами на маршрутах. Погода пока звенела, особой жары не было. Удивительно, но совершенно не хотелось пить. Наверное, мозг осознавал, что воды вокруг нет и, возможно, еще долго не будет.

Плоды нашей дружной и успешной работы были налицо. Земля совсем отдалилась, перестала быть реальной. Высота превратилась в пустоту. Мы были единым организмом, живущим по законам вертикального мира. Ближе к вечеру, пару раз приняв ледяной душ во время напряженных траверсов, вышли на огромную нашлапку. От наших лидеров донеслось – «Пещера!» Наверное, так радовались земле древние мореходы. Размером с небольшую комнату, с довольно гладким полом и высотой метра в полтора пещера обещала комфортную и безопасную ночевку. Время еще светлое, Сметанин с Ивановым отправились

наверх, делать задел на завтра. Лазание было сложное, даже для Сани, но пару веревок связка обработала. Дима решил тоже не терять время даром, взял пробойник, шлямбура и пошел за водой. Метрах в пятнадцати от пещеры угадывался ручеек. Твердая порода не дала сильно разгуляться, пробойник сломался, Дмитрий вернулся ни с чем. За ужином, дабы не есть всухомятку, жестом фокусника, к изумлению Иванова, он извлек ту самую палку дефицитной копченой колбасы. Нашим голодным ртам вода уже была не нужна.

Азиатская ночь зажгла звезды, луна заглянула к нам в пещеру. Мы лежали в дупле на середине огромной стены. У всех была одна мысль - хорошо бы завтра выйти на вершину!..

Ранним утром началось представление - воздушная гимнастика над ущельем Замин-Карор. Встаешь на двойную веревку и вываливаешься из пещеры в воздух, наверху нависание, в первый момент отбрасывает метров на десять. Но у нас все отработано, с перилами нет проблем. В работе быстро бежит время, день снова клонится к вечеру, в который раз участок стены на фоне неба кажется перегибом и выходом на вершину. Все изрядно притомились. «Кто может лезть быстрее?» - риторический вопрос Сани. Кто же после двух дней болтания на перилах сможет лезть первым быстрее, чем Сметанин или Кривулин? Погода хмурится, холодает, солнце скрывается в тучах. Стена немного ложится, но рельеф заглаженный, быстро не побежишь. Из-под ноги первого вылетает камень размером с плитку шоколада и попадает мне прямо по указательному пальцу. Как будто током легонько дернуло. Через пять минут отек и ноющая боль. Только этого не хватало! Жумар теперь двигаю тремя пальцами. Пока приспособливаюсь, сверху раздается усталый, почти без эмоций голос Кости: «Вершина!».

В сумерках все собираемся наверх, получаем поздравления во время связи, приспускаемся метров на пятьдесят по пологому скальному склону, устраиваемся на ночь в какой-то яме, укрывшись куском полиэтилена. Скоро по нему начинает стучать дождь.

Утром становится ясно, что погода испортилась всерьез. О других командах мы ничего не знаем, но вряд ли кто из лидеров вышел на вершину раньше. Маршрут у нас попроще, и шли мы

очень даже резво. На стене сейчас не сладко. Идем по широченному скальному склону, то и дело прерываемому небольшими крутыми ступеньками, на которых бросаем веревку. Туман, ориентиров практически нет. Травка и конский помет под ногами вселяют в нас оптимизм, но скоро натываемся на очередную скальную ступень. Как сюда попадали лошади - не понятно. Находим прислоненную к стене огромную рогатину из целого дерева с проволочными ступенями. С ее помощью сползаем на травянистый склон, на плохонькую, но тропу. Дождь расходится не на шутку. Кеды размокают и скользят по наклонной грязи. Маленький и неудобный рюкзак, набитый бесполезным теперь железом, врезается в спину. Идем медленно, периодически усаживаясь с размаху в грязь. В лагерь приходим вымокшие, уставшие, опустошенные. Ни сил, ни эмоций. Без всякого интереса узнаем, что с продуктами в лагере не очень. Стена обильно посыпана снегом. Несколько команд застряли на маршруте. Особенно отчаянное положение у команды из Красноярска. Непогода застала их у верхнего у ключа, сил выйти наверх нет и спуститься вниз по мокрому шестерочным скалам семьсот метров без посторонней помощи проблематично. Всю ночь по палатке стучал дождь. Утром доктор спросил, что у меня с рукой. Кто ему сказал? Помял опухший палец, поглядывая на мое

скривившееся от боли лицо, пошарил с минуту под ногами, из старой алюминиевой ложки сделал шину. Теперь я хожу, как с пистолетом, в самый раз в войну играть.

Нашего капитана вызвали в судейскую Чемпионата. Через пять минут Сметанин вернулся с ухмылкой на лице, на ходу обронив – «Полезем!». Мы остолбенели. Я со своей рукой был не в счет, а мужики через час снова пошли под наш маршрут, чтобы провесить 5-6 веревок в направлении красноярцев. По сути это было начало спасательных работ. Дождь моросил, не переставая, по стене потоками шла вода. Часа через четыре на помощь вышли краснодарцы. К вечеру вернулись наши, мокрые и уставшие. К ночи пришли и краснодарцы, и красноярцы. Мы в лагере готовили еду из остатков продуктов. Доктор выдавал какие-то тайные таблетки, все глотали их, ни о чем не спрашивая.

После нервного и физического перенапряжения сон был беспокойный. Утром мы чувствовали себя подавленными и разбитыми. Неофициальная весть о попадании в тройку призеров несколько улучшила настроение. Погода аномально холодная и сырая. Лагерь сворачивался, команды грузились и отправлялись в альплагерь «Варзоб» на подведение официальных итогов чемпионата России 1987 года. На дорожку мы получили известие – на одной из пятёрок Стены замерз москвич, кажется, участник ленинградских сборов. Подробности мы узнали позже, а пока что опустошенные, тряслись в кузове грузовика под моросящим дождем. Дорога нас больше не пугала.

Прибыв в Варзоб, узнали о присвоении нам титула Чемпионов. Мы оказались единственной командой прошедшей маршрут в полном соответствии с тактическим планом. Остальным помешала погода. Ясно, что нам крупно повезло – совершив восхождение 5Б, получили золото чемпионата. На награждение я вышел, конечно, без ложки, примотанной к руке. Вручая медали и призы, нам по-мужски крепко жали руки. Мне это особенно запомнилось.

Опять мы в кузове, опять азиатская желтая пыль, крутой серпантин, внизу разбитые машины. Из задумчивости вывела страшноватая картина: почти у лагеря Артуч, уставившись в небо круглыми фарами, спрятав кузов в воде, из реки торчал ЗИЛ. Вода врывалась в кабину через выби-

тое ветровое стекло и потоком выходила через открытые двери. Нехорошее предчувствие не обмануло нас. Через десять минут в лагере узнали, что ЗИЛ вез участников новой смены, водитель вовремя не переключил передачу и с полным кузовом людей скатился задом в бурлящую горную реку. Один человек погиб, несколько серьезно травмированы. Немного не доехали до гор. Может быть, хватит на этот раз? Прощаемся со знойной Азией, спиной ощущая, что в этот сезон ходили мы очень недалеко от края.

Наша история не получила продолжения. Казалось, открыты пути для дальнейших спортивных достижений, но нет. В следующем году никто всерьез в горы не собрался. Приближались кипучие девяностые. Завершалась эпоха советского альпинизма, лагеря пустели, в горы приезжали только те, кто не мыслил жизни без вершин. Наша компания разошлась в разные стороны. Через три года всеобщий любимец Саня Сметанин погиб при восхождении на Аксу. Сколько раз мы вместе испытывали судьбу!..

Многое изменилось с тех пор и в нас, и вокруг нас. Все так же стоят горы, стоит Ягноб, как символ дружбы и веры, веры в счастливую звезду, зовущую вперед и ввысь.

Владимир КУЗНЕЦОВ

При подготовке материала использованы фото из личного архива Владимира Кузнецова.

